

**Евгений Юрьевич Додолев
Неистовый Лимонов.
Большой поход на Кремль
Серия «Кремлевский диггер»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056220
Неистовый Лимонов. Большой поход на Кремль: Алгоритм; М.: 2013
ISBN 978-5-4438-0260-2*

Аннотация

К семидесятилетию легендарного писателя и политика журналист, участник команды «Взгляда» Евгений Додолев представляет опыт политической биографии Лимонова.

Эдуард Лимонов – писатель с мировым именем и одновременно самый скандальный и принципиальный оппозиционер России, прямо и открыто отстаивающий свои убеждения уже третий десяток лет.

Евгений Додолев – ведущий программы «Взгляд», один из основателей холдинга «Совершенно секретно» и автор термина «четвертая власть», по праву считается одним из лучших журналистов страны.

Как появилось название партии и газеты «Лимонка», какую роль Лимонов играл в теневом кабинете Жириновского и как вообще скандальный писатель стал не менее скандальным деятелем политической арены – обо всем этом детально рассказывает журналистское расследование Е. Додолева.

Содержание

От автора	4
Раздел I	6
«Не путайте меня с Лимоновым». Первое интервью «Новому взгляду» (1992 год)	7
Детство босоное мое	7
Завоеватель Москвы	8
Я – Савенко	8
Свой среди чужих...	9
Чужой среди своих	10
Нобелевская премия – в перспективе	10
Послесловие	11
Его звали Юлик	13
В списках не значится	19
Раздел II	24
«Лимонка» в правительство	25
Еще «лимонка» в лидеров	27
«Лимонка» в зюгановых	29
Еще «лимонка» в Зюганова	32
«Лимонка» в Ленина	34
«Лимонка» в Руцкого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Додолев

Неистовый Лимонов.

Большой поход на Кремль

От автора

На самом деле я не могу называться автором. Даже «как бы автором» не могу. У этой книги, по сути, несколько соавторов. И самый козырной из них – Эдуард Вениаминович Савенко. Именно он отвечал на журналистские вопросы, и, кроме того, без Лимонова-писателя не было бы литераторов Наталии Георгиевны Медведевой и Ярослава Юрьевича Могутина, настоящих соавторов данного произведения. Я же – автор проекта «Новый Взгляд», который стал инструментом возвращения забытого эмигранта в Россию. Впрочем, справедливости ради, замечу: и без «Нового Взгляда» создатель скандальных опусов «Это я – Эдичка», «Дневник неудачника», «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй» вернулся бы на Родину. И как писатель, и как гражданин.

Сегодня Лимонов воспринимается как маргинальный политфункционер. А когда-то был – в глазах социума – неординарным писателем и супругом экстравагантной певицы Наталии Медведевой, которую не раз арестовывали в Штатах. Лимонов всегда шокировал публику. И когда, будучи сертифицированным антисоветчиком, называл Солженицына расчетливым, хитрым литератором-интриганом, с тяжелой формой мании величия и когда утверждал, что «так называемые депортации были акциями справедливого возмездия; мудро поступил Иосиф Сталин, знавший Кавказ».

Лимоновские соратники, которые публиковались с его подачи в «Новом Взгляде», тоже генерировали скандал за скандалом. Александр Дугин определил «политический гомосексуализм» как синдром постмодернистической политики. А Владимир Жириновский вообще вступил на страницах нашего проекта в полемику с Лимоновым-Савенко как членом теневого кабинета ЛДПР. Ярослав Могутин утверждал, что факт участия Лимонова в теневом кабинете Жириновского объясняется исключительно их взаимной сексуальной симпатией друг к другу, и публиковал у нас совершенно провокационные реплики на тему «Почему евреи не любят Лимонова?», поскольку вычислил для себя: две темы в одном флаконе – гомофобия и антисемитизм – являются трамплином, с помощью коего он сможет покинуть Россию, как некогда покинул малую родину. Впрочем, со временем Слава подверстал сюда и чеченскую тематику, что сработало в полный рост.

Могутин записывал беседы не только со своей ролевой моделью – Эдуардом Лимоновым, но и бывшей подиумной моделью Наталией Медведевой, супругой № 3 скандального писателя. И даже с ее предшественницей, второй женой Эдуарда – поэтессой Еленой (Козлик) Щаповой (Contessa Elena Sciarova de Carli, для нее это был тоже второй брак), которая затем, по ее словам, вышла за графа де Карли и которой Лимонов при знакомстве солгал насчет своего возраста... прибавив себе семь лет (она скептически относилась к молодым). Елена рассказывала Славе про его наставника:

– Это был провинциальный юноша, который только что приехал из Харькова, никому не известный. Для него женитьба на мне была большим событием, потому что я была светская дама, а Лимонов в то время шил брюки, и его никто не знал как поэта. В Москве он был знаменит исключительно шитьем брюк. Но Эдуард мне понравился, я влюбилась в его стихи. Когда я познакомилась с его поэзией, мне это было очень близко, это было похоже на то, чем я занималась в то время. Конечно, он сильно переживал социальное неравенство, суще-

ствовавшее между нами. Он достаточно самовлюбленный человек, поэтому все это было для него тяжело. Были какие-то эксцессы, истерики, поэтому я просто отказалась ходить с ним в светские дома своих старых приятелей, чтобы не ставить его в дурацкое положение. Конечно, все от него чего-то ждали, смотрели на него через лорнет. И он очень смущался из-за этого, сильно комплексовал. Я была очень богатой, мой муж был одним из самых богатых людей Москвы и официально считался миллионером. И я ушла к Лимонову, у которого не было ни кола ни двора. Нам предоставил свою мансарду Бачурин, и мы ушли жить к нему на чердак.

Назвать, не мудрствуя лукаво, орган партии нацболов «Лимонка» посоветовал тот же Могути́н, и он же, кстати, сочинил один из текстов первого номера – «Без интеллигентов: Утопия». Эти двое были близки как родичи. Однако позднее, как признался мне сам Могути́н, общение свелось лишь к парикмахерским экзерсисам: помимо прочих знаменитостей и знакомых Слава обрабатывал ножницами и голову Лимонова. После бегства своего воспитанника в США Эдуард обосновался в могути́нской квартире на Арбате. Жилец оставил там все свои вещи, включая бюст Вэна Клайберна и раритетную скрипку (игру на коей он, впрочем, забросил задолго до вынужденной эмиграции, предпочтя совсем другие игры). Обо всем этом и рассказано в настоящей книге.

Раздел I

Так начиналось

Дабы избежать упреков в подтасовке фактов, я решил воспроизводить записи 20-летней давности без купюр и коррекции. Многое покажется смешным и нелепым, но кое-что и провидческим окажется.

«Не путайте меня с Лимоновым». Первое интервью «Новому взгляду» (1992 год)

Имя Эдуарда Лимонова в первую очередь ассоциируется с отголосками какого-то скандала. Где-то что-то краем уха слышали: не то он гомик, не то шизик, не то засланный за бугор агент Кремля. Хотя журнал «Знамя» еще в 1989 году опубликовал его роман «У нас была великая эпоха», куда более известна вышедшая в России в конце 91-го года книжка «Это я – Эдичка», выдержавшая за четыре месяца четыре издания общим тиражом около миллиона экземпляров. А уж в «Эдичке» натуралистически выписанных сексуальных сцен, отборного русского мата, с помощью которого предпочитает изъясняться главный герой, – в избытке. Это, понятно, тоже работает на создание имиджа Лимонова – такого смутьяна и скандалиста.

...Дверь гостевой квартиры в доме на Герцена открыл сидящий мужчина среднего роста. Галантно помог избавиться от верхней одежды, предложил разуться:

– У меня туфли чистые, а вы с улицы. Если бы вы были сегодня единственными гостями, а то ведь еще люди придут. – И добавил, словно извиняясь: – Кстати, в Швеции тоже в квартирах обувь снимают.

Леша Азаров, фотокорреспондент, попытался что-то спросить:

– Эдуард... э-э, извините, как ваше отчество? Ответ последовал без задержки:

– Амвросиевич.

Пока Леша приходил в себя, я решил перехватить инициативу:

– А действительно, какое обращение вы предпочитаете – господин, товарищ, сударь?

– Мне больше нравится собственное имя – Эдуард.

Детство босоное мое

– Родился я в 43-м году в Дзержинске Горьковской области. Отец мой был тогда солдатом, позже, окончив военную школу, стал офицером. Году в 47-м мы осели в Харькове. Я пришел в сознание в рабочем поселке, там провел детство, отрочество, юность. В 9 лет я уже убежал из дома, в 15 начал воровать. Чудом не загремел в тюрьму, с превеликим трудом закончил десятилетку. Это было нормально, типичная судьба пацана с окраины большого индустриального города. Дорога вела на завод или за решетку. В институт попали единицы. Поскольку я к ним не принадлежал, то оказался на заводе. Работал монтажником-высотником, потом сталеваром в литейном цехе, ну и так далее...

– В пока не изданном в России романе «Подросток Савенко» вы описываете Харьков 58-го года, рассказываете, как вместе с местной шпаной «бомбили» магазины, разбойничали. Причем в ваших устах это звучит совершенно естественно, будто речь об игре в футбол или походе в кино.

– Я в самом деле не вижу в этом ничего удивительного. Повторю, гораздо более странно, что не угодил в тюрьму, хотя, например, мой приятель Костя Бондаренко в 62-м году получил высшую меру наказания. Понимаете, для нас это были не преступления, а доказательства доблести. Началось все с того, что вместе с дружкой Вовкой Боксером я высадил витрину магазина и украл деньги, спиртное. После такие набеги стали повторяться. Мы совершенствовались, превращались в мастеров. Этим занятием я пробаивался до 20 с лишним лет. Уже работал на заводе, даже на заводской доске почета висел. Видно, одно другому не мешало.

– А с правоохранительными органами не было проблем?

– По мелочам. Конечно, стоял на учете в милиции, как все нормальные люди, получал по 15 суток. Подростком я много пил, меня несколько раз подбирали на улице, приносили домой мертвецки пьяного. Я считал, что мужчина должен уметь надираться. По субботам мы ходили в самый большой ресторан города «Кристалл» и выпивали по 800 граммов коньяка... А что? Я и сейчас выпью шестьсот без проблем, но алкоголиком, как видите, не стал.

Завоеватель Москвы

– *Эрнст Неизвестный рассказывал мне, что в конце 60-х вы шили ему штаны, что какое-то время подрабатывали портным.*

– Абсолютная правда. Перебравшись в 67-м году в Москву, я оказался без средств к существованию. Я ведь в Харькове не только коньяк попивал и магазины грабил, но и с 15 лет стихи писал. Прослышав, что в Москве существует СМОГ – Союз молодых гениев, рванул в белокаменную. Поэзия поэзией, но жить-то на что-то надо было. А у меня московской прописки нет, кто же без нее на работу возьмет? Вот и шил брюки. Научился этому совершенно без чьей-либо помощи, сам. Я никогда не стремился заработать много. Лишь бы хватало на еду да была тридцатка за комнату. Семь московских лет, пока меня не выставили из страны, были тяжелыми. Сегодня я вспоминаю их в романтическом ореоле, хотя моя первая жена Анна, она делила со мной все эти трудности, в конце концов психологически сломалась, долго лечилась, а в 90-м году покончила с собой, выбросилась из окна... Искусство превыше всего. Я ел состоявшие почти из одного хлеба микояновские котлеты по 60 копеек за десяток и мечтал о славе. За первую московскую зиму я похудел на 11 кило. Я несколько месяцев простоял у дверей Дома литераторов, чтобы попасть на семинар Арсения Тарковского. Меня не пускали, гнали, но я все-таки попал. Правда, выяснилось, что Тарковский абсолютно бездарный учитель, его лекции не представляли никакого интереса, более того, он не давал нам свободно читать стихи. А я ведь ехал в Москву, чтобы меня услышали. Словом, я устроил на семинаре восстание...

– *Значит, вы не считаете Тарковского своим учителем?*

– Нет, конечно. Им был скорее Евгений Крапивницкий, с ним я очень-очень дружил.

– *Сегодня вы поэзию оставили?*

– Да, совсем. Кстати говоря, то увлечение России поэзией было архаично, в ту пору молодежь всего мира жила уже другим рок-н-роллом.

Я – Савенко

– *Оказавшись в 74-м году на Западе, вы поставили перед собой цель зарабатывать на жизнь писательским трудом. Вслед за «Эдичкой», рассказывающим о ваших мытарствах в Нью-Йорке, вы издали, если не ошибаюсь, еще 12 книг, героем большинства которых являетесь вы сами. Чем вызван такой повышенный интерес к собственной персоне?*

– Надо определиться, что считать автобиографическим произведением.

Главное действующее лицо моих книг – Лимонов. Но ведь такого человека не существует в природе. По паспорту я Савенко Эдуард. Точка. А Лимонов, значит, это и герой, и автор. Автобиографические приемы были важны для меня при показе эпохи, среды. Например, в романе «У нас была великая эпоха» маленький сын лейтенанта Эдик только предлог, чтобы показать время конца 40-х. А «Молодой негодяй» – это Эдичка в Харькове 60-х. Понимаете, страна через героя, это эпопея.

– *Кстати, почему Лимонов?*

– Это родилось из литературной игры, дело происходило в Харькове, мне был 21 год. Мы с приятелями называли себя... как это называется по-русски?.. искусственными фами-

лиями. Кто-то стал Буханкиным, кто-то Одеяловым, я стал Лимоновым. Так ко мне и прилипло, превратилось в кличку, второе «я» быстро вытеснило первое. Привыкли все, я в том числе. Так и осталось, сегодня поздно уже избавляться. Но если бы мне не нравилась фамилия отца, я мог бы взять материнскую – Зыбина. Так что дело не в этом.

– *Читатели меня не поймут, если я не спрошу вас о роли нецензурных выражений в вашем творчестве.*

– Мат – нормальное средство характеристики героев. Во всех языковых стихиях подобные революции произошли в 30-е годы. Вспомните хотя бы «Тропик Рака» Миллера. Нечто похожее ожидало бы и Россию, но советская власть со своим пуританизмом затормозила процесс. Мат – это колоссальное оживление языка.

– *Значит ли это, что вы таким же образом оживляете и собственную разговорную речь?*

– Нет, я вежливый человек, ко всем обращаюсь на «вы». Но если меня обматерят, я отвечаю тем же.

– *Тем более удивительно, что вы решили нарушить табу и напечатать непечатное слово.*

– Знаете, мне неоднократно предлагали издать «Эдичку» с многоточиями на месте матерных выражений. Я отказывался и рад, что сегодня удалось сломать барьер. Для меня мат – не самоцель. В большинстве моих книг вы не встретите ненормативной лексики. В «Эдичке» же показан человек в стесненных обстоятельствах, в глубоком кризисе, на дне жизни. Естественно, что он прибегает к крепким выражениям. И чтобы упредить возможные вопросы, повторю еще раз: не следует отождествлять меня с Эдичкой. Я не ругаюсь в обществе женщин, я не наркоман и не гомосексуалист. Я семейный человек. Последние 10 лет живу во Франции с женой Наталией Георгиевной Медведевой.

Свой среди чужих...

– *Как вы устроились в Париже?*

– Мы обосновались на крыше дома в старой части города, почти в центре. В мансарде, в очень небольшой квартирке общей площадью меньше 50 квадратов. Зато, знаете, наклонные потолки, как в кино. Обычно советские люди, попадая ко мне, разочаровываются. Они считают, что я должен иметь личный самолет, как Шолохов, или хотя бы дачу вроде перedelкинских.

– *Пишете вы ежедневно?*

– Практически да. Обычно работаю по 5—6 часов. Писательство – единственный источник моих доходов.

– *К Парижу привыкли?*

– Да. И давно не замечаю его туристских красот и достопримечательностей, зато вижу те проблемы, которые недоступны взору простого советского человека. Я же сталкиваюсь со всем этим ежедневно. Поэтому мне странно наблюдать, как в России пренебрегают советами тех, кто постоянно обретается на Западе.

– *А я как раз этому не удивлен. Логика проста: хитрец, живет в Париже, а нас уговаривает не ехать.*

– Я никого не уговариваю, боже упаси. Я зло и насмешливо говорю: попробуйте выехать туда, кому вы там нужны?

– *У вас двойное гражданство: вы ситутаен франсэ, но вот уже больше года, как вам вернули советский паспорт. Сегодня Союза нет. Присягнете России?*

– Безусловно. Кому же еще?

– *Но ведь вы наполовину украинец...*

– Я человек русской культуры и патриот Великой России, коей Украина – неотъемлемая часть.

– *Ваши родители живут в Харькове. Вы их навещаете?*

– В прошлый приезд был. На этот раз пока нет.

– *А они к вам в Париж ездили?*

– Родители уже старые люди, отказываются. Живется моим старикам несладко, у отца капитанская пенсия, представляете? Раньше я переводил им гонорары за статьи, публиковавшиеся в Союзе, однако теперь на суверенную Украину и переводы не принимают.

Чужой среди своих

– *Ваша последняя книга, написанная по впечатлениям от поездки в Союз в 89-м году, называется «Иностранец в родном городе». Вы действительно чувствуете себя здесь чужим?*

– Я здесь не чужой. Мне предложили место политического обозревателя в «Советской России». Я хочу большего – участвовать в политическом процессе, заниматься политикой.

– *Но для этого придется покинуть Францию.*

– Я не вижу тут проблемы, мне не впервой менять место жительства.

– *К слову, почему вас так долго не пускали в Союз? Кажется, вам помог приехать Юлиан Семенов и он же первым опубликовал вас здесь?*

– Почему не пускали, спрашивать надо не у меня. Что касается Юлиана Семенова, то мы познакомились на приеме у парижского американца – общего знакомого и разговорились. Семенов предложил: «Давай я тебя напечатаю». Он же меня пригласил в Союз. Он это пообещал и сделал. Впоследствии наши отношения испортились, он за что-то обиделся на меня... Юлиан Семенов – первый советский капиталист в книжном бизнесе, сумел организовать доходные предприятия. Разумеется, он из бывших. Я – исключение, у меня нет бывшей биографии, я не был ни членом КПСС, ни даже ВЛКСМ. У меня в анкетах прочерки – не был, не состоял, не участвовал. А Семенов был, состоял, участвовал. Но что это, собственно, меняет? Ельцин ведь тоже был и состоял, однако это никого не смущает. Мне часто на Западе говорили: что же ты общаешься с Семеновым, это же генерал КГБ? А я отвечал, что всю жизнь мечтал познакомиться с генералом КГБ и жалею лишь, что этот генерал перестроившийся. Я бы предпочитал закоренелого.

Нобелевская премия – в перспективе

– *Вы знакомы с Франсуазой Саган? Это ведь она вместе с другими хлопотала о предоставлении вам французского гражданства.*

– С Саган я едва ли перекинулся двумя десятками фраз... такая жеманная комнатная собачонка. В свое время она написала книгу, которая якобы произвела определенную мини-революцию во французских нравах. Это было все очень хорошо организовано, ее отец был большим человеком в книжном бизнесе. Это не была какая-то 17-летняя безвестная девушка, пришедшая со стороны. Все ее книги буржуазны и достаточно поверхностны, хотя сама Саган сегодня легенда.

– *В 1986 году в одном из интервью на Западе вы сказали, что через пять лет хотите стать писателем-легендой, популярным и узнаваемым. Срок прошел. По-вашему, вы своего добились?*

– Думаю, что да.

– *И Нобелевская премия станет венцом стремлений?*

– Нобелевскую мне не дадут, я другого типа писатель, писатель антиистеблишмента. Я отношу себя к взрывателям общественных устоев, а у них обычно трагические судьбы. Вот Бродский – да, это другое дело, он академичен, всегда высказывается за существующий порядок. Даже тот его ленинградский бунт как таковым бунтом не был. Это недоразумение, нонсенс.

Правда, Нобелевскую премию дали Альберу Камю, этот тоже был достаточно взрывчатый писатель. Черт его знает, может, и я когда-нибудь дождусь.

– *Для вас это важно?*

– Нет. Сартр вот, к примеру, ведь отказался от премии.

– *Тогда что главное?*

– Быть автором вот этих книг, лежащих на столе. Вы называете мои произведения скандальными, но скандальность возникает от несоответствия моих идей и моей эстетики с восприятием читателей.

– *Надо полагать, свой стиль вы менять не собираетесь?*

– Нет, конечно.

– *Значит, можно ждать новых сенсаций?*

– Ждите!

Послесловие

Через несколько дней я опять звонил в дверь с приклеенным липкой лентой номером. Я принес Лимонову готовое интервью на подпись. В этот день, 22 февраля 1992 года, Эдуарду исполнилось 49 лет. Как водится, я поздравил именинника. Поблагодарив из вежливости, Лимонов заметил: «Я никогда не праздную собственный день рождения. Не вижу в этом событии ничего, кроме повода напиться».

Лимонов был трезв.

На столе лежали рукописи, газеты, книги.

Писатель работал.

P.P.S. В этом интервью Эдуард посетовал на то, что его творчество пока малоизвестно российскому читателю. Тогда же само собой родилось предложение напечатать что-нибудь из новых, не издававшихся ранее в России работ Эдуарда на страницах нашего еженедельника. Через своего литературного агента в Москве Александра Шаталова Эдуард передал в редакцию рукопись написанной в 1990 году книги «ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ САНАТОРИЙ». Это произведение практически было незнакомо широкой аудитории у нас в стране. Мы тогда отобрали для публикации три главы из 180-страничного текста. В предисловии к сериалу публикаций предупредили тех, кто творчество Лимонова знает лишь по книге «Это я – Эдичка» и кто настраивается на подобного рода чтение, – их придется разочаровать. Матерных выражений и «крутых» сексуальных сцен не будет. Эта книга совсем о другом. Писатель предпослал рукописи подзаголовок «Этюд социальной ментальности современных обществ».

Взгляд Эдуарда Лимонова далеко не всегда может совпадать с вашим собственным, вполне возможно, позиция автора вызовет у кого-то неприятие и даже раздражение. Однако, надо полагать, никто не станет оспаривать право писателя иметь свое, отличное от других видение решения той или иной проблемы, равно как и право это самое видение обнародовать. С Лимоновым можно спорить, не соглашаться, но сначала хорошо бы его выслушать. И еще было сделано несколько замечаний, предваряющих знакомство с отрывками из «Дисциплинарного санатория». С момента написания книги мир не стоял на месте, нет больше восточного блока социалистических стран, нет и Советского Союза, столь часто упоминае-

мых Лимоновым. Прежних держав нет, а вот сохранился ли санаторий, описанный в книге? Это уже судить читателям. Попутно заметим, что, по мнению автора, границы санатория не заканчиваются в СССР или Восточной Европе... В «Дисциплинарном санатории» автор постоянно апеллирует к роману Д. Оруэлла «1984», который считает самой черной книгой века. Обществу, созданному фантазией английского писателя, Лимонов противопоставляет собственную модель. Этим объясняется неоднократное цитирование «1984» Лимоновым. Мы сочли возможным сохранить в той публикации орфографию, правописание автора, его транскрипцию написания имен и фамилий.

Его звали Юлик

О стратегической роли титана советской литературы Юлиана Семенова в лимоновской судьбе немногим известно. Когда умирает обычный человек, он больше никому не нужен, кроме близких. Если же уходит человек известный, вокруг него немедленно собирается толпа вроде бы друзей, тон в которой, как правило, задают случайные попутчики большой жизни и люди, с которыми покойный расстался задолго до своей смерти. Они засиживают образ усопшего своими воспоминаниями, словно голуби памятник. Таким образом, забвение получается частичным – заслуги забываются, а обстоятельства жизни обрастают интерпретациями.

Семенов любил повторять: «Не бойтесь верить людям – потому что, даже если вы в них разочаруетесь, у вас останутся счастливые воспоминания о месяцах и годах дружества». Разочаровавшись, он расходился с людьми, не опускаясь при этом до критики. Так было с поэтом Евгением Евтушенко, с политобозревателем Генрихом Боровиком, с журналистом Андреем Черкизовым, с диссидентом Анатолием Гладилиным... Семенов никогда не говорил худо о тех, с кем расходился, но эти «бывшие» и поныне (за вычетом, само собой разумеется, усопших) обильно делятся своими воспоминаниями о нем.

Не очень лояльно отозвался об усопшем и Эдуард. В своей «Книге мертвых» Эдуард писал:

«С Юлианом Семеновым я познакомился в Париже в конце 1988 года... Если от бульвара Монпарнас добраться до площади Денфер-Рошро, там недалеко и улица со странным названием Томб Иссуар. «Томб» – это могила и по-английски, и по-французски. Кто такой или такая Иссуар, никто мне никогда не смог объяснить. Там на улице Могилы Иссуар жил тогда в доме 83, ателье А-2, пожилой американский верзила по имени Джим Хайнц. Именно у него в ателье-два я и познакомился с Юлианом Семеновым... Джим купил себе ателье (они специально строились для художников: крупные окна и все удовольствия) еще в 60-е годы. Тогда можно было купить ателье за копейки – утверждал он. Джим Хайнц – писатель, театральный постановщик (по-моему, это он положил начало Эдинбургским фестивалям), постановщик художественных порнофильмов, друг знаменитых людей, от Джона Леннона до вот Юлиана Семенова... Абсолютная беда России, на мой взгляд, состоит в том, что из нее сосут кровь семьи, подобные семье Боровиков или Михалковых и прочих вельмож... Генрих Боровик, председатель советского Комитета защиты мира, родил двоих: Артема и дочку Марину. Дочка вышла замуж за Диму Якушкина, сына кагэбэшного генерала. Дима Якушкин, как и подобает сыну кагэбэшного генерала, работал журналистом в Париже. К этому еще следует добавить, что жена Артема Боровика – Вероника Хильчевская – тоже не безродная девушка. Ее отец был представителем СССР в ООН, а первый муж был тоже мальчишкой-мажором – сыном политического обозревателя Томаса Колесниченко. Одно из первых интервью со мной в русской печати, в газете «Московские новости», опубликованное чуть ли не в 1988 году, было взято у меня Дмитрием Якушкиным. Позже я потерял его из виду, и выплыл он вновь уже в качестве пресс-секретаря президента Ельцина. Когда в декабре 1998 года Министерство юстиции отказало в регистрации Национал-большевистской партии, я достал его домашний телефон и позвонил. Что называется, «голод не тетка», или «любовь зла – полюбишь и козла». Подошла дочь Боровика – Марина и довольно мило поговорила со мной. «Я ничего от Димы не хочу, – сказал я, – мне бы совет получить». – «Я сейчас ухожу, еду как раз встречаться с Димой, – сказала жена Якушкина. – Мы едем на банкет. Позвоните в 11:30, мы будем дома, он подойдет к телефону. Кстати говоря, мы живем рядом с редакцией вашей газеты, часто проходим мимо ваших мальчишков». В 11:30, когда я позвонил, у них был включен автоответчик. Я оставил свой номер телефона. Жду его звонка

и по сей день. Хотя он уже не пресс-секретарь Ельцина. Мальчишки-мажоры... В 1990 году, в ноябре, после передачи «Камертон» прямо в студии Боровик познакомил меня с телеведущим Любимовым. Вот еще один мальчик-мажор. Папа – большой советский разведчик. Они такие все крупные, эти ребята, мясистые. Вспоминаю своего босса, наглого Питера Спрэга, оглоблю здоровенную: «Скажите, Питер, – спрашиваю я у него, мы сидим на кухне, – почему американцы такие здоровенные?» – «Бифштекс каждый день в трех поколениях – вот и весь рецепт, Эдвард, – отвечает он и бросает газету на стол, встает. – У вас в России едят мало мяса», – смеясь, покидает кухню. Но в семьях Боровиков, Михалковых или Любимовых ели каждый день это пресловутое мясо и в более чем трех поколениях! Вот детки и вымахали все такие здоровые и мясистые. На всех мяса в России, правильно, Питер, не хватало, и если кто-то ел его ежедневно, то в прямом смысле вырывал его из других ртов.

Нет, я не испытываю личной неприязни к этим ребятам, я испытываю классовую ненависть... Помню, Боровик устроил для меня ужин в «кооперативном» ресторане на Лесной улице. Тогда этот ужин не показался мне необычным, но сейчас, когда больше половины его участников мертвы, этот ужин выглядит в ином свете. Мертвенно-бледным кажется он мне, ужином мертвецов. Боровик с женой приехали за мной на машине и привезли в ресторан. Сам зал ресторана находился в полуподвальном помещении, столиков было немного. Было в изобилии мясо и много зелени – свежие помидоры, огурцы, лук, кинза. Боровик объяснил, что это не парижский, конечно, ресторан, но здесь есть свежие овощи, мясо и нет бандитов. Я сказал, что в Париже хожу в рестораны, только если меня приглашают издатели или еще кто, кому что-то от меня нужно. Я плохо разбирался тогда в персоналиях России, я не знал, кто есть кто, и потому не мог оценить тогда, какая там компания собралась. Долго я там не пробыл, у меня был ранний утренний авиарейс в Париж. Помню, что провожать нас вышел длинноволосый, как мне показалось, пегий человек в очках. Он сказал, что клятвенно обещает, что пригласит меня на свое телевизионное шоу. И дал мне визитку, а я, вежливый, продиктовал ему свой телефон там же, у входа в ресторан. В квартире на Герцена я поглядел на визитку. Там значилось: «Листьев Владислав». Позднее, когда он погиб, я пытался осмыслить его смерть и понял, что значения его смерти мне не понять. Я полагаю, он был неоригинальным и нетемпераментным тележурналистом. Скажем, Невзоров в свое время был много более интересным тележурналистом. Его репортаж, где он сует микрофон умирающему от ранения в живот молодому бандиту с калмыцкой физиономией, вызвал, помню, зависть французских коллег.

Часть репортажа продемонстрировало французское телевидение, по-моему канал «Арте», с завистливой ремаркой, что в прекрасной Франции показать такое французу не позволили бы власти, блюдущие нравственность граждан. Невзоров чуть ли не жмет на живот умирающего и спрашивает: «Больно?» А парень вдруг тут же и преставился. Последний хрип, конвульсия. В сравнении с такими репортажами Листьев – мыльный пузырь. Модные толстые ребята-мажоры (в школах таких дразнят «сало» или «пузо») на самом деле герои попсы. Они – подделка, слабый раствор. Толстый мальчик Боровик – слабый раствор феодала Семенова».

Небрежность, граничащая с пренебрежением, – вот лимоновская тональность. Впрочем, за давностью лет все это особого значения не имеет. Страна по-прежнему зачитывается детективами Семенова – стране никто не указ. И все, что говорят представители нашей либеральной интеллигенции, а она Семенова никогда не жаловала, благодарный читатель благополучно пропускает мимо ушей. Памятник Семенову в лице разведчика Максима Исаева не рукотворен. Увы, настоящего памятника создателю Штирлица никто пока не воздвиг. Впрочем, такова судьба и семеновских героев – они совершают незримые подвиги, за которые Родина не воздает.

Создавший Штирлица. Юлиана Семенова помнят как автора триумфальных «Семнадцати мгновений весны». Ну что здесь обсуждать, о чем спорить, фильм действительно культовый. Помню, когда весной 1989 года съемочная группа легендарного «Взгляда» приехала в редакционный офис на Калининском проспекте, ныне Новом Арбате (мы – редакция «Совершенно секретно» – располагались в бывшей конспиративной двухкомнатной квартире на предпоследнем этаже дома № 22, где до этого опера встречались с тайными осведомителями и куда завербованные «валютные проститутки» приводили нужных интуристов), Иван Демидов, который уже тогда был не только режиссером-новатором, но и грамотным продюсером и негласным вождем, посоветовал мне в конце беседы сподвигнуть хозяина задымленного сигарным облаком кабинета на его «любимый анекдот про Штирлица». Я, разумеется, отвечал ухмылкой Мюллера-Броневого: Ванина просьба была из категории «миссия невыполнима». Автор не любил анекдоты про красного штандартенфюрера. Мастеру пера казалось, что скабрзные шутки про Штирлица нивелирует подвиг разведчика. И никак Юлик не готов был признать, что этот феномен лишь свидетельствует о всесоюзной популярности героя. Юлик – это вовсе не фамильярность, это любовное прозвище главреда, именно так за глаза мы все его и звали.

К вопросу о Штирлице, писателя упрекали в невольной романтизации того, что на Западе величают Nazi Chic, а у нас с подачи кремлевских политехнологов, атаковавших Лимонова, обозвали гламурным фашизмом: SS-форма была весьма к лицу Вячеславу Васильевичу Тихоновну и на черно-белых телеэкранах смотрелась впечатляюще, что неудивительно, ведь эсэсовские мундиры производил член нацистской партии Хьюго Босс (Hugo Boss), костюмы которого и поныне украшают прилавки лучших магазинов мира, от московского ЦУМа до нью-йоркского Saks Fifth Avenue.

Впрочем, упреки закономерны, мятежного Юлика всегда одолевали многочисленные завистники. Они не могли простить глобального успеха сочинителю, который, в отличие от них, не прогибался под Систему, а сумел ее обхитрить, победить сумел. Ему одному из немногих удалось. Поэтому сейчас, когда Семенов ответить не может, тусклые КГБ-функционеры охотно рассказывают, как они снабжали яркого писателя материалами, и в этих рассказах зашифровано очевидное послание: «он был с нами, он был наш, мы были вместе, общее дело делали». Так лубянским хочется прислониться, рядом помаячить. Однако, как справедливо заметил Александр Борисыч Градский, «сколь ни рисуй себя с великими – не станешь лучше рисовать». Один из коллег, стоявших рядом с гробом Семенова, сейчас, снисходительно улыбаясь, объясняет телевизионщикам, что Юлиан, мол, не столько искал «Янтарную комнату», сколько использовал эти поиски как предлог для своих частых заграничных командировок. Но не объясняет при этом, почему погибли несколько партнеров по этому журналистскому расследованию: первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Юрий Гусев, исследователь Пауль Энке и бывший эсэсовец Георг Штайн (последний по версии следствия «сделал себе харакири» после пыток). А еще писателя Семенова подозревали в использовании «литературных негров»: ведь всякий судит по себе, и немногие ведь способны «выдавать на-гора» по несколько страниц в день (Юлиан Семенович мог за пару недель сочинить роман, он писал быстрее, чем иные читали).

В документальном фильме Алевтины Толкуновой «Рассказы об отце. Юлиан Семенов глазами дочери» (канал «Россия 24», октябрь 2011 года) Ольга Семенова впервые сказала публично: ее отца фактически устранили. С Юликом случился инсульт за час до очень важной встречи (об этом ниже). Забавно, что Семенов не проявил в свое время энтузиазма по поводу публикации в «Совсеке» интервью с генералом КГБ Олегом Калугиным, в котором опальный чекист рассказывал о спецлаборатории, где разрабатывались технологии моментального провоцирования инсультов, инфарктов, кожных нарывов и прочих прелестей (про плутоний тогда речи не было).

Я настаивать не стал и опубликовал ту беседу в «Неделе». Отчасти и потому, что Семенов тогда был не в восторге от только что напечатанного в его газете «антиармейского материала», сочиненного мной в соавторстве с Денисом Гореловым. Он говорил, что критиковать спецслужбы и армию – это значит «мешать Горбачеву», и был, как я сейчас понимаю, абсолютно прав, хотя в тот момент мне и казалось, что Юлиан Семенович просто не хочет осложнять свою (распиаренную им же самим) «дружбу с Лубянкой», которую использовал и для писательской своей работы, и для грамотного манипулирования административно-командной системой, которую ненавидел люто.

На самом деле он сделал больше, чем написал. Ну например, в контексте данного повествования – вернул в СССР писателя Эдуарда Лимонова. Потратив собственные \$\$\$ и нервы. В нем был силен дух фронды, хотя многие пытаются ныне рисовать его певцом и партнером Лубянки на основании того, что он был допущен к архивам КГБ лично шефом тайной полиции Андроповым. В начале 1989 года Юлиан на свой страх и риск опубликовал в проекте «Детектив и политика» два лимоновских рассказа: «Коньяк Наполеон» и «Дети коменданта» – и лично вручил автору-эмигранту экземпляр во время очередного визита в город Парижск, где живет со своим французским супругом его дочь Ольга. Правда, вместо благодарности мы получили истерику и наезд: Лимонов устроил разборки на предмет редактур. Не цензуры, а именно пресловутой «работы с текстом».

Mea culpa и только моя. Дело в том, что первый заместитель главреда «Совсека» Саша Плешков занимался серьезными делами, включая все финансово-хозяйственные разборки, а мне поручено было заниматься кастингом. И я собирал штат нашей первой частной советской редакции как мог. Из своей репортерской альма-матер «МК» пригласил Пастернака (однофамилец) и Светлову (то же самое), а из журнала «Смена», где трудился до основания «Совершенно секретно», позвал ответсека Борю (Бобика) Данюшевского. Борис был грамотным портфелесоставителем, но... Помню «сменовский» эпизод. Захожу с заметкой про бит-квартет «Секрет» в кабинет ответсека и вижу взмыленного Данюшевского. Интересно – в чем дело? Да вот, раздраженно отвечает, по разнарядке из ЦК ВЛКСМ надо срочно в номер рассказ поставить, а там редактур не впрокорот. Показывает мне рукопись. Живого места нет, массивные правки в каждом абзаце. Напомню, компов не было, правили ручкой и отдавали в машбюро для повторного набора. После корректуры – то же самое. Ну да ладно. Беру титульный лист, чтобы понять, что за автора слили нам комсаки (по-моему, курировал печатные СМИ тов. Орджоникидзе). Вижу: Фазиль Искандер. Давясь от смеха, иду к Мише Кизилову. Главный редактор «Смены» спас творение абхазского классика от редактур Бобика, а вот Лимонову, увы, не повезло.

По забавному стечению обстоятельств именно с Эдиком 20 апреля 1990 года позавтракал в Париже Плешков, который был отравлен во время ужина с главным редактором влиятельнейшего в ту пору французского еженедельника VSD. Через пару недель выбыл из строя и сам основатель «Совершенно секретно»: два инсульта подряд, причем последний – после ночного визита в неохраняемую палату двух таинственных посетителей в штатском. Режиссер Борис Григорьев, снявший четыре фильма по сценариям Семенова, среди которых «Петровка, 38» и «Огарева, 6», в интервью киевскому проекту Виталия Коротича «Бульвар Гордона» в октябре 2011 года отметил:

– Конечно, мы смертны, но с болезнью и смертью Семенова не все чисто – мне кажется, ему просто помогли уйти. Юлиан многим переходил дорогу, многим был неудобен, потому что лез в такие сферы, в которые его не хотели пускать. К тому же у него была какая-то нечеловеческая, клиническая память, особенно это касалось документов. Ему достаточно было один-два раза прочесть любую бумагу, чтобы запомнить ее наизусть. Он помнил все – даты, факты, лица, фамилии. Причем сам этому удивлялся, говорил: «Что ни увижу, все запоминаю раз и навсегда». Очевидно, были люди, которые боялись, что однажды он сопоставит извест-

ные ему факты и сделает единственно правильные выводы. А делать их Семенов умел. У него, например, была своя теория убийства президента Кеннеди, очень, кстати, оригинальная, которую он обсуждал с людьми из КГБ. Кто знает, возможно, она была верна... Юлик был очень здоровым человеком, поэтому обширный инсульт, который с ним якобы случился, внушает мне большие подозрения. Конечно, это только мои ощущения, я не врач, и никаких доказательств у меня нет.

В упомянутом юбилейном фильме Алевтины Толкуновой есть эпизод: создатель Штирлица встречается с поклонниками в концертной студии «Останкино» (1983 год). Семенов говорит, что писатель не может не быть политиком. Что бы он сказал, увидев, как именно и во что конвертировал свой литературный дар его креатура Лимонов? Риторический вопрос. Юлиан был светлым и наивным романтиком, совершеннейшим ребенком, «верившим в социализм с человеческим лицом». Несмотря на все свои «мажорские» (по дефиниции неблагодарного и неблагородного Лимонова) понты: гаванские сигары, клетчатые пиджаки, цепочку на щиколотке, бороду а-ля Хэм.

Юлиана Семенова можно смело называть великим русским писателем хотя бы потому, что его Максим Исаев навсегда вошел в нашу культуру, а один из президентов Новой России, Владимир Путин, даже проговорил, что учился жизни по разведчику Исаеву. В школах, правда, Семенова не преподают и именем его улиц не называют, но это и неудивительно – Юлиан Семенов не был человеком Системы. И примером своей жизни доказал, что успеха можно добиться, не прогибаясь под изменчивый мир, а прогибая его под себя (© Макаревич). Показал и более существенную вещь – перед сильными мира сего необязательно пресмыкаться, – ими можно успешно манипулировать в интересах державы.

Короче, с ним случился инсульт. За 52 минуты до встречи, которая бы внесла существенные коррективы в историю отечественной медиаиндустрии. Мы вместе со знаменитым британским документалистом Оливией Лихтенстайн в эти дни снимали ленту о Семенове для BBC ONE, где уже были отэфирены фильмы (из той же серии *Comrades*) про стебальщика-музыканта Сергея Курехина и бизнесмена-офтальмолога Святослава Федорова. И остались записи с сотрудниками больницы. Зафиксировано: ночью после инсульта в палату пришли двое. И после этого визита, вызвавшего «повторный инсульт», Юлиан уже не мог говорить. Его не стало. Видеоматериалы у Оливии пытались изъять на таможне во время ее возвращения в Лондон, вопрос раздуливали в посольстве Соединенного Королевства, которое тогда, как помню, располагалось на Софийской набережной.

Родные писателя только сейчас открыто заговорили об убийстве. Закономерен вопрос – почему молчали раньше? Я могу ответить лишь за себя. И возможно, за некоторых коллег по «Совсеку». Версия об устранении писателя однозначно бросала тень на нашего товарища, Артема Боровика, который незаконно унаследовал и «Совершенно секретно», и мастерскую писателя в центре Москвы, ключи от коей вручил ему при жизни сам Семенов, когда Артем пожаловался, что им с Вероникой негде жить. То есть сторонний наблюдатель может узреть пресловутый мотив. И это абсолютно несправедливо, потому что Боровик-младший никаким образом не мог быть причастен к такому делу, все кто его знал, это скажут без колебаний. Одно дело – переписать уставные документы («бизнес – это война», любит повторять Саша Любимов, чей отец-разведчик с моей подачи дебютировал как писатель именно в «Совсеке»), другое – ввязаться в авантюру с покушением.

До этого писали только об убийстве в Париже первого заместителя главреда «Совсека» всего за пару недель до загадочного инсульта, заставившего самого главного редактора замолчать до самого дня кончины. Напомню, Плешков был отравлен во время трапезы с главным редактором влиятельнейшего в ту пору французского еженедельника *VSD*. Как мне рассказал мой соавтор Франсуа Моро (в начале 90-х мы написали несколько книг для издательства *Mercure de France*, включая *Les coulisses du Kremlin*), который, собственно,

и был связным Юлика во Франции, – местные спецслужбы сделали однозначный вывод об отравлении советского журналиста и передали материалы своим московским коллегам. Минувшим летом случайно встретился (на выставке работ Михаила Королева) с Александром Плешковым-младшим, который был студентом, когда его отец рулил «Совсеком». Саша сказал, что они с матерью так и не получили документы на руки, но не сомневаются, что все три члена редколлегии (включая Александра Меня), которые тогда погибли, знали нечто про «золото партии». Не то «золото партии», которым занимался Штирлиц. Не той партии. Партии, членом которой, в отличие от своих оппонентов, не был Юлиан Семенович. Еще раз: он выбыл из строя всего за час до подписания масштабного контракта с представителем Руперта Мэрдока Джоном Эвансом, который вывел бы советский холдинг «Совершенно секретно» на мировой медиарынок.

«У меня предстоят переговоры с газетно-телевизионной группой австралийского миллиардера Мэрдока; его штаб утверждает, что у Вас с ним намечены беседы в Вашингтоне во время встречи с Бушем. Был бы очень признателен, если бы Вы поддержали совместный проект «Совершенно секретно» – Мэрдок. Дело стоящее, за ним – миллиарды» – так заканчивается письмо писателя Президенту СССР Михаилу Горбачеву. Последнее письмо. Последние строки, написанные Семеновым. Тем, кого запомнили не медиамагнатом, коим он не успел стать. Тем, кто остался в памяти соотечественников создателем Штирлица. Героя, сумевшего выжить в режиме «чужой среди чужих».

А что касается Лимонова, то он, вообще говоря, открылся для меня с новой стороны во время юбилейного вечера памяти Семенова (10 октября 2011 года) в ЦДЛ. Хотя его там не было. Но был там Саша Плешков-младший, сын убитого семеновского зама. И он, когда сели мы в «Арт-кафе» помянуть усопших, рассказал, что после смерти отца на него вышел Эдуард и предложил осиротевшему парню (Саше тогда было всего 19) стать его литературным агентом в России. То есть фактически расписался в готовности оказать финансовую помощь. Сказал, что объяснит подробно, что да как, научит и покажет. Саша тогда этого не понял и отказался. Но потом, *post factum* оценил лимоновскую оферту.

В списках не значится

Лимонов дебютировал на страницах «Нового Взгляда» в жанре, который стал популярен у его последователей (и у жен № 2 и № 3, и у Славы Могутина), – ИНТЕРВЬЮ С САМИМ СОБОЙ. Подписано было: «сентябрь 1993 года, Париж – Москва».

Воспроизвожу не по рукописи, а по варианту, опубликованному в «Новом Взгляде».

«Первым, кажется, жанр самоинтервью употребил Дидро (1713—1784), французский философ-энциклопедист. Я обращаюсь к этому жанру, когда мне хочется ответить на мои собственные вопросы, а мне их никто не задает, не догадывается. Или когда нужно врезать моим врагам. Раз в год, но больно.

– *В тебе сомневаются, тебя оспаривают, тебя высмеивают, тебя ненавидит интеллигенция. Ты об этом знаешь? Как ты к этому относишься?*

– Находиться под надзором, жить круглый год, двадцать четыре часа в сутки под вездливим взглядом неприятеля есть вторая профессия всякого известного человека. Звезды, плывущие с общим потоком интеллигентного стада, разумеется, не избегают внимания, но их держат за своих, потому внимание к ним всегда доброжелательно. (Вообще же доброжелательность – чувство слабее ненависти.)

Вот, скажем, хитрые Ростропович и Солженицын.

Первый всегда с комфортом жил. Не сидел, не нуждался, выучился на деньги советской власти, потом фыркнул на нее, фрондировал, умно приютил, когда нужно было, у себя Солженицына и тотчас после этого с комфортом отбыл со всей семьей на Запад. Где его, только что приютившего Солженицына, встретили с восторгом. Ростропович всегда на стороне сильных. Его вместе с Барышниковым и еще с кучкой эмигрантов-коллаборантов принимал у себя Рональд Рейган. Когда нужно было, немедленно появился под Берлинской стеной с виолончелью, сыграл восторженно похоронный марш миру и покою в Европе. 21 августа 91-го года, движимый сильным инстинктом приспособленчества, прилетел к Белому дому, на сей раз российскому. Ростропович – неумный, но изворотливый большой музыкант. Ему везде хорошо. И с Рейганом, и с Ельциным, и с Еленой Боннэр. Бывают такие счастливо устроенные звезды мировой величины, которые умеют ходить только в ногу со всеми.

Александр Исаевич – тот мрачнее дядя. Самое сильное обвинение Солженицыну исходит от него самого: «Бодался теленок с дубом» – отличный портрет комбинатора и манипулятора. Солженицын умело использовал свое несчастье: относительно небольшой срок отсидки, сделал из него начальный капитал, с которого он собирает жирные проценты уже сорок лет. Разобидевшись на советскую власть, не давшую ему Ленинской премии в 1964 году за «Один день Ивана Денисовича» (Хрущев, разрешивший самолично печатать «День», дал бы, но Хрущева убрал Брежнев), Солженицын – человек сильный и мстительный – затаил обиду. (Интересно сравнить его судьбу с судьбой другого писателя лагерной темы – Варлама Шаламова, тот был куда талантливее, но не изворотливый и не мстительный.) Опубликовав «Архипелаг ГУЛАГ», Солженицын вызвал ненависть всего мира к нам, русским. И дал тем самым на десятилетия вперед карты в руки (доводы, доказательства) врагам и коммунизма, и России. Сторонник русского национального феодализма, он выступил как враг Российской империи.

В том, что у нас теперь нет могучего государства, а есть рассыпающаяся Российская Федерация, есть его доля вины, и крупная доля. Уехал на Запад с чадами и домочадцами. Жена позднее даже мебель из России вывезла в Вермонт. Теперь возвращается из одного красивейшего поместья и вовсе в заповедные места: напрямик на берег Москвы-реки. «Ждет (цитирую по статье В. Федоровского в журнале «Валер Актюэль» за 9 августа 1993 года)

лишь окончания работ в великолепной даче, которую русское правительство отдало в его пользование. Солженицыны займут виллу, расположенную в березовом лесу, о подобной могли мечтать только высшие сановники коммунистического режима. Лазарь Каганович, зловещий исполнитель самых низких поручений Сталина, занимал дачу в этом же районе». Интересно, он понимает, что, принимая подобный дар, уже помещает себя в определенный политический лагерь? Или мания величия застилает ему очи и он считает, что все сойдет Солженицыну? Очень неприятный тип, между прочим. Навредил нашему государству больше, чем все сионские мудрецы, вместе взятые. А ведь русский.

– Ты отвлекся. Я тебя спросил о том, как ты относишься к тому, что тебя высмеивают, оспаривают и ненавидят.

– Насмешка – это не враждебность. Это недоумение, непонимание. Насмешка обращается обыкновенно на объект, который непривычен, непонятен.

Вот пример: Жириновский. Прессе был смешон грозивший кавказцам высылкой, а прибалтам – радиоактивными отходами Владимир Вольфович. Хотя, если бы Владимир Вольфович поимел власть привести свои угрозы в исполнение, было бы вовсе не до шуток. Сегодня, когда он таки стал смешным, потому что не осуществил угроз, опозорился, пустой болтун, кончивший собачкой у сапога Ельцина, над ним не смеются. Ты заметил! Потому что его поняли, он вошел в сферу нормального, понятного. Хотя именно сейчас он смешон: неудачливый политик, на трибуне на фоне Ельцина, довольно взвизгивающего на Владимира Вольфовича как на блудного сына, возвратившегося к отцу. Ельцин, подперев лицо кулаком, слушает, как Владимир Вольфович убеждает граждан принять его, ельцинскую, Конституцию: «Конституция как ГАИ на дорогах, никто гаишников не любит, однако они нужны. Так и Конституция». Обхохочешься!

Насмешки меня не пугают – это хороший знак. Высшая форма насмешки – анекдот. Найдите мне политического деятеля, который не хотел бы, чтобы о нем ходили анекдоты. Дело в том, что я стал фигурой первого плана, одним из основных актеров на культурной и политической сцене России, стал интеллектуальной силой. Мои мнения и приговоры ценны, они замечаются, с ними считаются, даже если для того, чтобы высмеять или атаковать с крайней ненавистью. (Когда я молчу, меня просят высказаться!)

Ненависти, впрочем, на меня изливается много больше, чем насмешек. Так как коллеги-интеллектуалы – профессионалы пера, потому они свою ненависть имеют возможность выплеснуть читателю.

Только за последние несколько месяцев урожай ненависти велик. В «Московских новостях», № 7, писатель Александр Кабаков в своей фантазии «Вид на площадь» расправляется со мной руками и ногами персонажей: «ближайший солдат ударил его носком ботинка в голень под колено»; «Саидов... прямой ладонью ткнул писателя сзади в почки...».

В «Литгазете», № 16, писатель Виктор Астафьев требует судить меня: «Почему же не судят разнузданных воинствующих молодчиков – Зюганова, Проханова... да и Эдичку Лимонова тоже? Ах, он – «не наш»! Он забугорный гражданин и приехал бороться за свободу на русских просторах? И судить его не можно?! За горсть колосьев, за ведро мерзлых картошек судили, гноили в лагерях русских баб и детей, а тут, видите ли, снизошла к нам стыдливая демократия!»

(Демагог Астафьев ошибается, у меня паспорт СССР, как и у него.)

Словно сговорившись с «Литгазетой», «Русская мысль» публикует в тот же день произведение Георгия Владимирова «По ком не звонит колокол», сочащееся ненавистью ко мне, плохо упрятанной в насмешку. «В кого же вы их (пули) садите, месье? В артиллерийскую позицию или в крестьянский двор?» – морализирует Владимиров по поводу сцены в моем репортаже из Боснии, где я стреляю из пулемета. Другой нервный моралист, Виталий Коротич, в «Новом Взгляде» пишет из Америки: «Лимонов призывает гильотинировать Горба-

чева... Попробовал бы кто-нибудь в Америке вякнуть, что хочет ухлопать президента! Уже несколько таких сидит – и надолго». Им так хочется, чтоб меня посадили, бедным!

Маленький Павел Гутионтов в «Московском комсомольце» резюмирует страстную мечту интеллигенции, пишет, адресуясь прямо куда следует: «Прокуратура ОБЯЗАНА возбудить дело по факту публикации парижского писателя в российской газете». (Сейчас разбегутся, милый, им только Лимонова в «Матросской тишине» не хватает!) Потому подобно Пазолини могу сказать: «Для меня известность – это ненависть».

– Может быть, не столько ненависть, сколько зависть? Ведь большинство этих людей – «бывшие». Бывший писатель-диссидент Владимов, кому придет в голову читать его книги сегодня? Бывший главред эпохи перестройки – Коротич. Бывший «большой писатель» Астафьев... А ты популярен, тебя читают, любая твоя книга, выпущенная любым тиражом, исчезает, раскупается. О тебе говорят: о твоих книгах, твоих женах, о твоих войнах, о твоей партии.

Слушай, а чем ты объясняешь вот такой феномен: тебя нет ни среди сорока писателей, представленных к Букеровской премии, ни среди ста политиков, рейтинг их публикует ежемесячно «Независимая газета»?

– Зависть? Наверное. Вся эта публика обсуждает с ревностью мои фотографии, «покрой» моей шинели (у которой нет покроя, шинель да и только), постарел я или помолодел. (И то, и другое мне запрещено ИМИ, надзирателями моих нравов.) Владимов пишет о шинели особого покроя, Бенедикт Сарнов в «Новом времени», № 7, тоже о шинели. Все эти дяди коллеги комментируют мои войны: я «вояжирую по окопам» («Россия», № 17), я не туда стреляю (Владимов в «Русской мысли»), не из того оружия («Комсомольская правда» за 13 марта) и т. д. и т. п. Наши дяди «интеллигенты» похожи на компанию инвалидов: сидя в колесных стульях на стадионе, они критикуют атлетов: не так, не туда, слишком сильно! Или еще одно сравнение, менее лестное, приходит на ум: Астафьев, Владимов, Кабаков и компания очень смахивают на доходяг-импотентов, дающих советы (кто их трогает? я их в упор не вижу) мужику, сношающемуся с дамой: «Не так! Не туда! Потихе! Будь скромнее!» В Астафьеве, Владимове и их компании «бывших» скорее ревность – импотентов ревность и инвалидов к человеку живому, Лимонову, совершающему живые поступки и активности. Пока у меня бурный роман с Историей (пусть я у этой дамы и не один), они сплетничают обо мне, как скучные соседи. У них у самих ведь ничего не происходит, не о чем даже поговорить. Они мне деньги должны платить, что я есть. «Савенко-Лимонов, конечно, не Ульянов-Ленин», «Лимонов, конечно, не Маяковский» – чего ж вы меня рядом с ним ставите!

Теперь о сорока букерах и ста политиках. Прежде всего, что такое «Букер»? «Букер» – унижительная колониальная премия, присуждаемая, кажется, каким-то английским гастронмом в поощрение русским туземцам: как бушменам или готтентотам или, кто там отсталый, безлитературный народ: папуасам? Так что я ее бы и не взял, не смог бы, пришлось бы отказаться. А почему меня нет среди названных в кандидаты, об этом следует спросить ИХ: устроителей, выдвигающих на премию журналы. Социальная группа, назовем ее по-научному «культурная элита», сознательно делает вид, что меня нет. Между тем я очень даже есть. Книгу Маканина «Лаз» издательство «Конец века» продает (вместе с книгой некоего Борева) в наборе – в качестве обязательного довеска к моему роману «Это я – Эдичка». Ибо «Конец века» затоварился Маканиным и Аксеновым, а с отличным мясом моих романов можно продать все что угодно, мослы будущих «Букеров» (Маканин – кандидат) и даже археологические кости Аксенова. Пока они там кублятся в английском культурном центре или при германском консульстве (потому что Пушкинскую премию присуждают русским писателям германцы!), российские прилавки завалены иностранными авторами. А Лимонова всегда не купить. Находиться же вне литературного официоза мне привычно. Ведь я был вне его до 1989 года. Сейчас сложился из осколков старого новый литературный офи-

циоз, где для таких, как я, непредсказуемых и ярких, – места нет. Так что все хорошо. Я бы очень расстроился, если бы они меня приняли. Я бы заболел, решил бы, что лишился таланта.

Моего имени нет среди «ста политиков» по той же причине: и здесь официоз меня отвергает, профессионалы официоза. В предисловии к списку «НГ» от 4 августа разъясняет принцип отбора. «Меру влияния определяли 50 экспертов – руководители ведущих средств массовой информации, известные политобозреватели и политологи, директора политологических центров... Как нулевая расценивалась роль политиков, фамилии которых оказались вовсе не знакомы экспертам». (Я отказываюсь верить в то, что хоть один из пятидесяти экспертов не знает моей фамилии!) Список «ста» выглядит как иерархическое перечисление функционеров – высших должностных лиц государства.

Цитирую начало: 1. Ельцин, 2. Хасбулатов, 3. Черномырдин, 4. Шахрай, 5. Рущкой, 6. Козырев и т. д. Только 23-е место неожиданно занято красочным Джохаром Дудаевым, а 24-е Бабуриным; и опять пошли серыми рядами функционеры: Шейнисы, Бурбулисы и Степанковы...

Напрашивается сразу же несколько объяснений такому количеству функционеров: 1. Наше общество (в лице 50 экспертов) вымуштровано, как отличная армия, и на вопрос «Кто лучшие люди на свете?» без запинки шпарит, стоя по стойке смирно, имена командиров. Сверху вниз. 2. Эксперты страдают чиновничеством. 3. Эксперты сами не решили, что есть политика.

В списке столько же депутатов, сколько министров. Трудно возразить против того, что депутат – политик. Однако на практике подавляющее большинство из более чем тысячи народных депутатов России каждодневно решают не политические задачи. С еще большим основанием то же самое можно сказать и о министрах. Можно ли определить как политика Черномырдина? Он – функционер, исполнитель чужой политики. Собственной – нет, или он тщательно прячет ее. Маршал Шапошников и генерал Грачев – профессиональные военные. Оба назначены на должности сверху. Некоторые словари определяют политику как борьбу за власть. Отказавшись штурмовать Белый дом, оба – Шапошников и Грачев – совершили выгодный маневр, выгодный карьеристский шаг. Но делает ли их этот единственный маневр, определивший их возвышение, политиками? Если, конечно, называть всякие администраторские функции политикой, тогда да, политики и они. 50 мудрецов-экспертов считают, что политик только тот, кто имеет должность? Подобное понимание пахнет гоголевской комедией «Ревизор».

На 89-м месте Солженицын. У этого должности нет, очевидно, политической деятельностью признано его влияние на умы. Но мы все знаем, что еще три года назад исчезло это влияние в связи с публикацией архаического «Как нам обустроить Россию». Тогда, кто вежливо, кто равнодушно, мы поняли, что король-то голый, что история хищным прыжком перескочила через Александра Исаича и его вермонтский садик. Редактор «Известий» Голембиовский на 82-м месте. Получается, что Голембиовский больше влияет на умы, чем Солженицын? Будучи противником последнего, все же не могу согласиться с этим. И почему тогда, если уж речь зашла о тех, кто «глаголом жжет сердца людей», нет фамилий Зиновьева и Лимонова? Мы в последние несколько лет, и Зиновьев, и я, чрезвычайно популярны в России. И в первую очередь не как писатели, это наши политические идеи и взгляды вызывают бури эмоций и полемики.

Дудаев великолепный тип, кавказский Каддафи, но он что – русский политик? Он сам не согласится с этим, такое звание унижительно для него, я уверен. Дудаеву место среди популярных персоналиты.

Алексию II – тоже.

Политик Явлинский? Он неудачливый эксперт в экономике, и только. Улыбку вызывает то обстоятельство, что его имя выделено жирным шрифтом. Явлинский – президент? Шутите, эксперты. «Съесть-то он съест, да кто ему...»

Последнее впечатление такое, что список и рейтинг составлен ОДНИМ чиновником, куда он по благу и за взятки насовал случайных людей и даже своих родственников. Что касается меня, политикой я занимаюсь и буду заниматься. Я автор по меньшей мере трех политических книг (одна из них вышла, две на подходе: «Убийство часового» и «Дисциплинарный санаторий» выпускаются «Молодой гвардией»), я знаю, что влияю и на общественное мнение, и на мир идей. Это мне и в первом МБ (КГБ) ребята-генералы недавно сказали.

В качестве иллюстрации к сюжету вот тебе почти анекдот. 23 июня я присутствовал в Дзержинском райсовете Москвы на встрече кандидата в президенты Руцкого с народом. Началось с того, что при входе в зал охрана заставила меня расстегнуть куртку. Я показался им типом, способным на покушение? (Узнав, извинились.) Я сел себе тихо в первый ряд и слушал, записывал в блокнот. Должен был уйти, не дожидаясь конца, потому со своего первого ряда пошел мимо трибуны с Руцким на ней к выходу. Аплодисменты, крики «Лимонов! Эдик! Эдик!», половина зала встает, не обращая внимания на Руцкого. Так политик я или не политик? Я только гогочу, читая все эти их списки.

Если ты хочешь знать, в списках меня никогда не было. Ни в каких. В списках советских писателей меня тоже не было. Кто теперь помнит советских писателей? Скоро имена последних затянет илом речки Леты».

Раздел II

«Лимонки» до «лимонки»

Здесь в хронологическом порядке представлены «нововзглядовские» колонки Эдуарда Лимонова, которые он публиковал у меня до создания своего сольного проекта – боевого листка партии «Лимонка» (то есть по ноябрь 1994 года включительно). Иногда под эти порой экстремально злобные «публицистические гранаты» отводилась стандартная широкая колонка (в четверть газетной полосы) на третьей странице «Нового Взгляда», иногда я считал необходимым отдать под опус целую полосу (как правило, восьмую, то есть последнюю). Некоторые из этих текстов, по мне, вполне актуальны и сегодня, иные же любопытны лишь как забавные документы ельцинской эпохи, в которых обозначены тенденции того непростого времени.

«Лимонка» в правительство

Режим у нас насильственный. Делает что хочет. Захотели – ввели «шоковую терапию», изъяли деньги, трудно нажитые гражданами страны. Захотели – расстреляли из танков парламент, выбранный гражданами. Захотели – и топчут сапогами пышный (ядовитый) цветок капитализма МММ. Кинули на нары главу МММ. Мало показалось трех дней на расследование, сунули еще десять дней тюрьмы Сергею Мавроди: «На, получай, капиталист!» Создали, по сути дела, корпус наемников «тонтон-макутов» – ОМОН. Якобы для борьбы с преступностью. Однако используют его для разгона и избиений политических противников. Преступность же именно после создания этих отрядов милиции особого назначения выросла вдвое, втрое, вчетверо, в десять раз... И растет...

Я раньше думал, что они, правители, ненавистный мне капитализм строят. Да нет же, сейчас понимаю: они и капитализму мешают появиться на свет. Нового социального строя ожидать не приходится, идет тупое изъятие собственности у большинства и приписывание этой собственности меньшинству. А по пути большая часть собственности уничтожается. Что есть знаменитый ваучер как не насилие над гражданином? «На тебе десять тысяч рублей и молчи, гад, – это твоя доля, понял!» Таков метод правительства, так урки в зоне издеваются над бытовиками. Между тем всерьез невозможно поверить, что труд, скажем, инженера на заводе в течение 25—30 лет в итоге оценивается в эти ничтожные десять тысяч рублей (кажется, тридцать доперестроечных рублей). Это шантаж, это вооруженное ограбление – ваучер.

Все, что происходит в России с момента избрания Генеральным секретарем КПСС Горбачева, может быть охарактеризовано одним словом: НАСИЛИЕ. Насилие крикливого меньшинства над молчаливым большинством. НАСИЛИЕ все более крутое, все более бесстыдное. Интересно, что даже слово «демократия», так неумеренно употреблявшееся все эти годы (оппозиция ставила его в кавычки), исчезло куда-то, стало неупотребимо или малоупотребимо. После событий 21 сентября – 4 октября 1993 года и волки, и овцы стесняются выть и блеять о демократии. Мозги на асфальте, переполненные морги, какая уж тут демократия...

Чем интересна драма МММ (вне зависимости от исхода расследования деятельности Мавроди)? Тем, что из этой драмы ясно: правительство играет без правил, ничем себя не сдерживая: оно аморально, коварно и насильственно. Теперь, после драмы МММ, понятно, что власть имущие у нас – саблезубые тигры и глотку перервут кому захотят: коммунака ты из «Трудовой России» или же Сергей Мавроди, капиталист и генеральный директор АО. Саблезубые тигры являются приверженцами идеологии мощных челюстей, клыков и когтей, а не капитализма. Нашему правительству, оказалось (и в этом урок драмы МММ), все одно, на кого бросить наемников ОМОНа, на коммунака или акционеров МММ, свято уверовавших в «рынок». У правительства инстинкт насильника.

Права человека нарушаются в 1994 году в России сто пятьдесят миллионов раз на день. И нужно сказать, что доля частной инициативы в этом ежедневном океане насилия – наименьшая. Большая часть насилия – дело рук самой власти. Она совершила или позволила совершиться крупномасштабным преступлениям, наказание за которые, увы, не предусмотрено Уголовным кодексом. Состоялся 17 марта 1991 года референдум: 77% населения СССР высказалось за сохранение Союза. Уже в декабре того же года вопреки воле народов Союза власть в лице трех пожилых граждан (Ельцин, Шушкевич, Кравчук) разрушила СССР. Следствие этого разрушения: возникли горячие точки, войны, десятки и сотни тысяч убитых, миллионы беженцев... Цепь насилий, беспрецедентно антидемократическая для XX века, – вот история перестройки и «ельцинизма».

Возникает вопрос: «Зачем все это? Какова цель этой цепи насилий?» Саблезубые хищники уже и сами не знают. Первые годы они рычали «демократия», рычали «капитализм», сегодня неуверенно рыкают нейтральные какие-нибудь «реформы», «приватизация». Однако на самом деле цели уже нет. Есть грубая, тупая власть, просто не умеющая быть не тупой и не грубой, есть приклады, дубинки и сапожищи ОМОНа. Хищное животное не может быть вегетарианцем. Замирив умеренную оппозицию (власть прогуливается под руку с зюгановыми, жириновскими и лапшиными в залах Госдумы), скрутив «Трудовую Россию» и националистов запретами и Уголовным кодексом, власть оборотилась против «своих». Именно против тех, для кого якобы она и созидает с помощью тотального насилия новую социальную систему. Вот она пожирает, храпя от наглости, тело МММ и его акционеров. Равнодушные, побросали омоновцы у здания налоговой полиции протестующих акционеров МММ в автобусы и увезли. В тех же автобусах, в которых возили и возят «коммуняк».

Власть потеряла последние остатки разума. Власть стала безумна, как бешеный питбультерьер. Впившись в горло МММ, она доказала, что ей не может доверять никто. Предприниматель и акционер, генеральный директор и рядовой бизнесмен, как показали события с МММ, не более защищены от произвола и насилия власти, от ее клыков, чем член РНЕ, РКРП или Национал-большевистской партии.

Еще «лимонка» в лидеров

В 11-м номере газеты «Завтра» помещена декларация «Объединить патриотов – спасти Россию». Из декларации, подписанной шестнадцатью фамилиями – от В. Зорькина и А. Руцкого до А. Цыпко и митрополита Санкт-Петербургского Иоанна, – читатель «Завтра» (экс-«Дня») узнает о создании еще одного движения. Называется новое, но уже рыхлое объединение «Согласие во имя России».

Самоугробив только что Фронт национального спасения, несколько «старых патриотов» (Зюганов, Бабурин, Проханов, Чикин, Селезнев) слились с «новыми патриотами» (Руцкой, Липицкий, Тулеев) и «самыми новыми патриотами» (Зорькин, Лапшин, Романов, Глазьев, Цыпко, Говорухин) в одну массу.

В юности у меня был приятель Толик. Этот Толик немного спекулировал книгами и писал плохие стихи. Мне до сих пор вспоминается одно его бездарное «философское» (так он сам его называл) стихотворение – «Белесое и бестелесое». В стихотворении «белесое гналось за бестелесым» и поглощало его. Затем из общей жижи возникало «бестелесое» и гналось за «белесым». Помню, что я представлял себе всю эту «философию» как две смежные лужи. Бездарное «философское» стихотворение друга юности пришло мне на память именно в связи с новорожденным движением. Кто послужил инициатором новой тусовки начальников, не так важно. Скорее всего неутомимый Проханов, бывший «серый кардинал» ФНС. Однако настойчиво навязывают себя вопросы: «На кой? Зачем? Опять?». Текст декларации перефразирует текст «Слова к народу» 1991 года, предшествующий неудаче ГКЧП, и пародирует текст «Декларации правой и левой оппозиции» сентября 1992 года, предшествующий возникновению ФНС. ФНС же, как известно добровольно встав под хасбулатовско-руцкие знамена, самоисчез после разгрома Верховного Совета.

Если те же люди и те же фразы неизбежно приводят к разгрому, то в третий-то раз нормально засомневаться и в людях, и во фразах.

Начну с фраз.

Сохранительные глаголы: «восстановить, предотвратить, сберечь, остановить, вернуть, поставить заслон» – выдают с потрохами принадлежность составителей декларации к социальному классу «бывших» или (и) красноречиво повествуют о том, что лица у составителей декларации на спине.

Они живут в прошлом, ведь это только в прошлом возможны были сохранительные «предотвратить», «сберечь». Что оберегать сегодня, что предотвращать, когда все уже случилось: все беды?

Сохранять нужно было в 1986 году.

Оберегать нужно было и поставить заслон – тогда.

Граждан России призывают «протянуть друг другу руки в прощении взаимных упреков и прегрешений».

Их оберегают от конфликтов.

«Каждый новый конфликт увеличивает опасность гибели России», – уверяют нас авторы.

«Общественный договор всех патриотических сил и движений, идеологий и верований, отрицающих насилие, расизм и национализм, ставящих превыше всего гражданское служение Родине, – вот что может остановить катастрофу», – учат гражданина.

Кто учит?

Шестнадцать дядь. На всех у них приходится столько ошибок, трусости, политических предательств и оппортунизма, что не им учить.

Почему трусливо, как школьник, выгнанный с урока, в 1991 году ушел Зюганов, лидер могущественной якобы партии, со Старой площади? Собрал портфельчик и ушел послушно.

Был господин Руцкой коммунист и таковым попал в депутаты, затем расколол коммунистов, был выгнан из компартии. За эти деяния стал подельником Ельцина, вице-президентом. Позднее, думая, что он уже на финишной прямой к власти, стал соперником Ельцина и оказался в Белом доме в компании Хасбулатова (бывший ельцинист), ВС и ФНС. Бездарно провалился как соперник президента, подставил под пули людей. На нем же ни царапины. В свое время грозился отдать под суд авторов «Слова к народу». Руцкой ораторствует в хоре, призывает нас идти за ним и подобными же пастухами стада человеческого. Да на вас (за редкими исключениями) клейма негде ставить. Предали, ошиблись, трусили многие из вас не раз и не два.

Власть и оппозиция. Белесая и бестелесая лужа, откуда по прихоти политической погоды выгоняет грязные массы лидеров во власть и обратно, в оппозицию.

Даже негнибавый якобы Проханов, еще вчера называвший себя (с вызовом) фашистом, стал с друзьями-соглашателями в центристскую позу и с удовольствием поговаривает о коалиционном правительстве.

Галлюцинаторные беседуют, наклонившись друг к другу, Егор Гайдар и Геннадий Зюганов. Действие происходит в Государственной думе. Две лужи слились в одну, белесое стало бестелесым, похабное, вонючее желе нашей политики стало одной массой.

Все «патриоты», все «националисты» – даже Козырев говорит сегодня, что будет «защищать русских». Даже Полторанин выступает против лагерного идиш по телевидению.

Владимир Вольфович Эйдельштейн-Жириновский клеймит сионизм.

Предполагаемый автор очень специфической брошюры «Куда идут русские» Стерлигов создал вместе с Жириновским Всемирный конгресс славянских православных и христианских народов.

Еще немного, и в рубрике «Национальная элита» газеты «Завтра» появится интервью Александра Проханова с главным патриотом России Борисом Николаевичем Ельциным.

«Лимонка» в зюгановых

Французские и московские газеты, помогая друг другу ложью, обвиняют меня в «фашизме». Спрашиваю себя: «Я – фашист?» И отвечаю: «НЕТ», ни в строго терминологическом смысле («фашист» – член ф. партии Муссолини 1919—1945), ни в бытовом, я не «грубый насильник» – именно так определяют фашистов словари. Если бы я был фашистом, я бы заявил об этом сам. Прямо. Не в моих правилах скрывать свое лицо. Я – русский националист 1994 года со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я пришел к моему национализму как к естественной мере самозащиты моей нации от агрессии других наций, как мелких национальностей бывшего СССР, так и мощного антирусского НАСТУПЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ НАЦИЙ (во главе с Соединенными Штатами Америки) на Россию. Помимо национального движения, я не вижу другой силы, способной поднять Россию со смертного одра.

Если уточнить, спросить меня, какого типа я националист, я отвечу, что я национал-большевик. Моя цель – РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. А еще точнее – две революции в одной: национальная и социальная. Россия сегодня – страна третьего мира. Мы колонизированы и Западом, и бывшими республиками, потому одна цель национал-большевизма – создать движение за национальную независимость, каковое логически завершится национальной революцией. Мы сделаем Россию страной русских. Еще одна главная цель – подавляющее большинство русской нации страдает от эксплуатации новым классом буржуазии (бывшая советская номенклатура в полном составе плюс разбогатевшие преступники), потому наша задача – добиться социальной справедливости в России. Путем социальной революции. Если уж сближать мою идеологию национал-большевизма с прошлым, то ближе всего окажутся диссиденты национал-социализма, сторонники «второй революции» во главе с Эрнстом Рэмом. Расходясь с господином Гитлером, Рэм был неудовлетворен тем, что пусть национальная революция и восторжествовала выборным путем (приведя к власти национальные силы), социальной революции не произошло. Эрнст Рэм говорил о необходимости «второй революции», за что и был ликвидирован вместе со своими сторонниками в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года. Вторая революция, по замыслу Рэма, должна была свести счеты с правыми (первая – выборы января 1933-го года – свела счеты с антинациональными левыми силами), с реакцией: с крупными финансистами, с аристократией, с прусскими помещиками – юнкерами, с генералитетом армии. На подобное сближение я согласен, и оно меня несколько не пугает и не унимает. Рэм был храбрый солдат и последовательный революционер.

Антисемит ли я? Не был никогда, но становлюсь. «Читая «Московский комсомолец», следя за карьерами вначале Гайдара (тихого...), а теперь Жириновского (буйного...), – становлюсь. Как видите, мой антисемитизм – лимитированный, он не направлен против евреев, не направлен против тех, кто завоевал себе Палестину и мирно живет с оружием в руках, не против русских. Но Гуревич, Минкин, Гайдар, Владимир Вольфович и иже с ними, их сотни, воюют против русских на нашей территории, насильственно прививая нам, северному народу, ближневосточные нравы.

Кто, похабно поощряя предательство, похвалялся заплатить МИЛЛИОН за выдачу местонахождения Виктора Анпилова – русского национального героя? «Московский комсомолец». Вы не зарвались, ребята, вам не кажется? Это в жарких Ливане и Иудее распространены такие методы: похищение, выкуп, тридцать сребреников.

Да, я русский националист, но сионист 1948 года, какой-нибудь соратник Бен-Гуриона или Моше Даяна поймет меня и не осудит. Как Палестина, как Стена Плача в Иерусалиме – сионисту, дорог мне в Севастополе Малахов курган, и я не успокоюсь, пока он не будет

территорией России. У каждого свои святыни, но тот, кто не уважает чужие, не уважает свои. Для Гайдара Россия была лабораторным вольером, а русские – подопытными животными, на которых он испытывал свои теории. Без всякой жалости. Буйный представитель той же нации Жириновский собирается, играя на русской ущемленной гордости, сделать из русских нацию поставщика пушечного мяса для осуществления своих геополитических горячечных видений. Эй, господа перекупщики, мы обойдемся без вас, нам не нужны посредники. В ваших жилах течет слишком горячечная, ближневосточная кровь уроженцев песков и пустынь. И она не утихомирилась, увы, несмотря на несколько поколений ваших предков, проживших в нашем холодном климате. Не нужно, а, лезть не в свои дела!..

Кстати, о посредниках... (и да простит меня читатель, что эта «Лимонка» получается вынужденно личной). Хочу сказать, что отныне я ни на кого больше не работаю. То есть я всегда работал на Россию и до последнего издыхания буду работать на нее, но ранее посредники присваивали себе большую часть моего труда. Сборная ОППОЗИЦИЯ эксплуатировала меня и как идеолога, и как журналиста. Однако никогда я не был допущен к организованной власти, к принятию решений. Задумайся, читатель, ведь Лимонова не было и нет в руководстве ни единой организации оппозиции! Ни в каких советах, политсоветах и сопредседателях я не значусь. И это невзирая на то, что мои идеи, мысли, даже терминология были схвачены, подхвачены и использованы. И это невзирая на то, что девятнадцать лет активной жизни за границей, опыт участия в борьбе идей на Западе, опыт войн и моя писательская известность могли ой как пригодиться оппозиции практически, а мой голос и авторитет при принятии решений. Я всегда считал, что борьба на благо России важнее внутриопозиционного дележа мест. Я так считаю и до сих пор. Но, не допущенный к принятию решений, я вынужден был бессильно следить за тем, как совершаются чудовищные ошибки.

Когда же я выставил свою кандидатуру как независимый кандидат в 172-м Тверском избирательном округе, меня просто ударили ножом в спину «НАШИ». «НАШ» Зюганов в середине октября клятвенно обещал мне, что КПрФ не выставит своего кандидата в 172-м. Более того (хотя я его об этом не просил), Зюганов уверял меня, что, «если бы КПрФ не была запрещена, я бы тебя включил в свой список». Впоследствии КПрФ было милостиво разрешено участвовать в выборах, и я с ошеломлением узнал, что КПрФ выставила своего кандидата в 172-м.

Подобные манеры по отношению к товарищу, стоявшему с вами плечом к плечу несколько лет на одной линии фронта, называются подлыми, Геннадий Андреевич. И вы, Валентин Васильевич Чикин, где ваша честь, старый патриций КПСС и мой редактор? При соединяюсь к герою Александру Баркашову, пишущему «зюганов» с маленькой буквы.

Соратники по борьбе умудрились вырубить меня отовсюду. Предали на выборах, а значит, вследствие этого статьи мои не могут быть напечатаны в «Советской России» – газете КПрФ (половина ее редакции во главе с Чикиным сидят в Госдуме депутатами КПрФ). Газета «Завтра» Александра Проханова (она же «День») последовательно отказывается от моих статей на темы будущей политики, только одну «Лимонку», первую, удалось мне опубликовать в «Завтра».

Почему все это произошло? (Вырубили не одного меня. По иным причинам, но выпихнули наши бывшие друзья из политики и Алксниса, и Володина, и других.) После кровавого разгрома в октябре пришли в политику осторожное соглашательство, лавирование, оппортунизм, постыдные союзы со вчерашними противниками. Оппозиция сливается с властью.

В новых политических условиях радикалы, такие, как Лимонов, не только не нужны, но опасны соглашателям, готовым сотрудничать с режимом, который они сами же называли оккупационным. Я опасен зюгановым.

Но на дворе у нас «ще нэ вечір», как гласит украинская пословица. Политика в России не закончилась 12 декабря 1993 года. Предав (или сдав) друзей, вы, господа, не только взяли

грех предательства на душу, не только избавились от талантливых конкурентов, но и сняли с себя маски. И без маски видно: аппаратчик Зюганов не выключает глаз аппаратчику Ельцину или новому аппаратчику деляге Жириновскому, и, даже не выклеывая глаза, сидит Зюганов и мирно беседует в Думе с Гайдаром.

Неумные, но быстрые, неталантливые, вечно ошибающиеся, но коварные, вы нам доказали свою посредственность и полное равнодушие к судьбе России.

Чума на оба ваши дома. Мы, радикалы, пойдем другим путем.

Короче, хватит, отныне я не работаю через посредников. Отныне я работаю на Россию сам.

Еще «лимонка» в Зюганова

Жирный, туго откормленный, вот-вот лопнет, как круто варенная сарделька, явился начальник Зюганов, не званный 1 мая на митинг «Трудовой России» на Октябрьской площади. В сопровождении бульдогов-телохранителей милицейские чины почтительно поддерживали его под локотки, дабы не упал, споткнувшись о цоколь памятника Ленину. Опять после перерыва в два года попал Зюганов в начальники. Гордо несет он все свои не меньше ста килограммов круто варенной плоти.

Казалось, зачем тебе, такому Зюганову, Анпилов?

Но впереди ведь выборы, и не одни, и очень нужны Зюганову голоса ярко-красных коммунистов, так как голосов слабо-розовых коммунистов недостаточно ему, чтобы выбрали его опять во власть. Вот и приехал на персональном автомобиле. Не дал ему слова Анпилов на Октябрьской площади. Это его не смутило. В половине четвертого приехал опять господин тугая сарделина на митинг Анпилова на смотровой площадке у университета, и уставший и подобревший Анпилов дал ему слово «во имя единства коммунистического движения».

Я стоял рядом с Анпиловым на грузовике. Я сказал: «Зачем вы дали ему слово, Виктор? Если бы я был организатором митинга, я бы не подпустил его и близко. Он приехал воровать избирателей». В пылу митинга не разговоришься. Я не успел напомнить Анпилову, как находящаяся под Зюгановым «Советская Россия» неблагородно публиковала материалы против Анпилова, в то время как он сидел в Лефортово! (Неудивительно: и главред Чикин, и полпредакции «Сов. России» сидят в Думе от списка КПРФ.)

Собрав пожитки, уйдя со Старой площади в сентябре 91-го года, Зюганов не ушел с квартиры в том же доме и в том же подъезде, где живет Ельцин, не ушел он и с дачи на Николиной Горе. Его собрат по ЦК – Ельцин – не выклевывал глаз соплеменнику-ворону. Но Зюганова ушли из власти, и пришлось ему смиренным оппозиционером присоединиться, похудев и побледнев, к корявым народным массам. С нами, с массами, он опростился, ходил без телохранителей, ездил и в метро и, бывало, жевал, как все, сухой бутерброд на обочине митинга. Мы стали думать, что он наш. Мы стали помогать ему. Анпилов давал ему трибуну, я служил в «Советской России» своим пером, массы рычали для него на демонстрациях.

Хорошо притворившийся Геннадий Зюганов умилил, разжалобил, убедил людей. За список КПРФ, весь состоящий из бывших начальников КПСС (Лукиянов, бывший редактор «Правды» Селезнев на первых местах), поверив бледному на время Зюганову, временно исполняющему обязанности защитника народных интересов, проголосовали массы. Правда, в большинстве своем те, кто при иных обстоятельствах голосовали бы за Анпилова или Баркашова, сидевших в тюрьме и запрещенных к выборам.

Вливание власти в вены изменило облик «оппозиционера» Зюганова. Восстал тугой и стокилограммовый из бледного «и. о. защитника народа». Не спеша, самодовольно расхаживает, переваливаясь, по Думе, сидит голова к голове с Гайдаром, дружелюбно беседует. Вскочил, послушный, торопясь, при появлении Ельцина в Георгиевском зале на церемонии 28 апреля.

Подписал бы и соглашение о гражданской трусости, но партия собственная возроп-тала. Даже для розовых коммунистов такое перерождение показалось слишком неперевари-мым. Оглянемся в недавнее прошлое.

На первом конгрессе Фронта национального спасения 24 октября 92-го года Зюганов выступил (в одном из блокнотов у меня есть подробная запись) с детальной программой борьбы против «оккупационного режима». Им были названы даже точные даты: дата образования правительства Национального спасения, дата суда над Горбачевым и Ельциным. Что случилось с той вашей программой, Геннадий Андреевич? Подарили соседу Ельцину и вместе

поготовили над одураченным народом, над делегатами ФНС, верившими, что ворон ворону глаз выклюет?

«Начальник вернулся во власть» – так назвал бы я документальный фильм о сегодняшнем туге Зюганове.

Лихие в обмане, в интригах, в закулисных выпивках, в «сдаче» показавшихся ненужными уже товарищам по борьбе, наши начальники – абсолютно бездарные серости во всем, что касается собственно политики. Мыслить политически, то есть вперед, как в шахматах, они не умеют. (Поглядите, кстати, читатели, на публикацию в «Комсомольской правде» от 13 ноября, где сорок политиков и аналитиков попытались предсказать исход выборов 12 декабря. Все попали пальцем в небо. Жириновского первым назвал лишь Лимонов. Может быть, потому, что не начальник, я вижу ясно.) Во всех своих статьях начальник Зюганов, желающие могут проверить, всегда и безошибочно ошибался. Ошибался и в анализах, в оценке ситуаций, во всем. Без аппарата КПСС (теперь КПРФ), воюя один на равных, он никогда не добился бы в жизни того положения, которое он имеет. Для существования ему необходим аппарат: советники, холуи, сотрудники, аналитики. (А на х... нам такие лидеры, товарищи и господа?!) Без аппарата у Зюганова есть лишь вальняжная внешность. Но вальжная внешность, видная, свидетельствует лишь о том, что несколько поколений зюгановых и ельциных хорошо питались. («Ежедневный бифштекс в трех поколениях, и порода выведена», – говорят американцы.) В сытой Америке мне приводилось видеть водителей грузовиков и уборщиков мусора с римскими головами и торсами разжиревших отставных гладиаторов. В России вальжный идет в начальники.

Россия продолжает жить с теми же начальниками, какие были у нее к 1985 году. Лишь замы сменили завои, и только. Но порода Зюгановых – Ельциных продолжает властвовать, перекидывая власть друг другу, как футбольный мяч. Невежественные, выросшие в нездоровой среде партийных интриг, эти люди и не коммунисты, и не демократы, но номенклатурные бояре. В каком бы лагере они ни находились. Налитые супом и водкой, одутловатые, вальжные, с развитием на уровне школьников пятого класса. Все, что они умеют, важно сидеть идолами в президиумах. Беспомощные даже в мирное время, в нынешнее – войн и революций – эти люди вредны. И как!

Был я в ноябре прошлого года в городке Западная Двина Тверской области.

Там нет уже парикмахерской, нет ни единой столовой, так что поесть приезжему негде, не работает второй год уже местное радио, улицы в ямах, запустение, грязь и пыль повсюду. В мерзлом помещении газеты, которую вот-вот закроют, поведал мне один мужик, сам бывший начальник, несколько следующих циничных истин: «Страна загибается. Но сейчас очень хорошее время для начальников. Никогда еще начальники так хорошо не жили, не имели столько возможностей. Если раньше у них была только власть политическая, директорская, власть должности, то сейчас к этой власти добавилась собственность. Ведь кто приватизирует, кому достается имущество, земля, заводы, здания, средства производства? Да директорам, зав. отделами в министерствах и трестах, то есть начальникам, большим и малым. Народ восстанавливают против теневой экономики, против кавказцев, против преступников... А на деле под шумок собственность в огромной богатой стране переходит в руки начальников».

На какие бы условные команды ни разделились начальники (КПРФ, «Выбор России» и пр.), классовая солидарность номенклатуры – стаи воронов, сидящих на бездыханном теле России, – сильнее в них, чем партийная принадлежность. Президентской команде достались заведомо лучшие куски, эти клюют Россию в сердце и в живот, в то время как стервятник-коммунист Рыбкин и стервятник-коммунист Зюганов клюют Россию в ноги – только и всего различия.

«Лимонка» в Ленина

В 24-м томе собрания сочинений Ленина (Политическая литература, 1961 год), на с. 324—326, в статье «Еще о национализме» Владимир Ильич полемизирует с членом Госдумы и представителем Всероссийского национального союза Савенко.

Так как моя настоящая фамилия Савенко и я председатель национал-большевистской партии, то сквозь время (статья датирована февралем 1914 года) Ленин, получается, полемизирует если не со мной лично, то с идеями, высказанными 80 лет назад под моим именем.

Цитирую Владимира Ильича: «Член Государственной думы Савенко прочел доклад [...]. Докладчик считает особенно опасными стремления к сепаратизму [...] среди белорусов и украинцев. Движение, украинское в особенности, представляет большую и реальную опасность для единства России. Ближайшая программа украинцев сводится к феодализму и автономии Украины. Украинцы связывают свои надежды на осуществление автономии с разгромом России в будущей войне с Австро-Венгрией и Германией. На развалинах великой России будут основаны под скипетром Габсбургов в пределах Австро-Венгрии автономные Польша и Украина. Если украинцам удастся действительно оторвать 30 миллионов малороссов от русского народа, тогда наступит конец великой Российской империи». (Аплодисменты.)

Спустя 80 лет я с удовольствием присоединяюсь к аплодисментам, которыми собравшиеся на 2-й съезд Всероссийского национального союза наградили Савенко. Он был прав так безошибочно, так четко и ясно прав. Уже в 1914 году началась война с Австро-Венгрией и Германией, и в 1918 году были поспешно сооружены и Польша, и самостийна Украина. И не кто иной, как Владимир Ильич, вынужден был ценою крови многих сотен тысяч русских солдат свергать, убирать эту самостийность. Ибо Ленин на практике власти убедился, что великой России без Украины не быть. Без Кавказа быть, почему нет, без среднеазиатских республик — быть, а без Украины не быть.

Без берегов Черного моря Россия — захолустная континентальная страна, прижатая к Ледовитому океану на манер Канады, и только. Черное море — естественная граница России на юге.

Что же, какие аргументы противопоставил тогда, в феврале 1914 года, Ленин Савенко? Слабые, демагогические и ошибочные. «Почему же этот «федерализм» не мешает единству ни Соединенных Штатов Америки, ни Швейцарии? Почему «автономия» не мешает единству Австро-Венгрии? Почему «автономия» даже укрепила на долгое время единство Англии и многих из ее колоний?» — упоительно аргументирует Ленин и атакует Савенко: «Г-н Савенко особенно нелепо представил защищаемый им «национализм», так что облегчил опровержение своих идей до крайности. Единству России, извольте видеть, «угрожает» автономия Украины, а единство Австро-Венгрии укрепляет всеобщее избирательное право и автономию отдельных ее областей! Что за странность такая? Не придет ли в голову читателям и слушателям «националистической проповеди», почему невозможно укрепление единства России посредством автономии Украины?»

Тут Владимиру Ильичу так легко врезать, что даже неудобно за него. Всего лишь через месяц после написания им статьи «Еще о национализме» началась Первая мировая война, и именно с Австро-Венгрии, «укрепленной», по мнению Ленина, всеобщим избирательным правом и автономией. В результате через четыре года ее автономии разорвали Австро-Венгрию на части. Капут ей настал! И сегодня, 80 лет спустя, те же автономные эмоции свирепуют меж собой на тех же землях. «Единство Англии и колоний», укрепленное «на долгое время» автономией, трещало по всем швам уже к 1914 году, а Британская империя развалилась через несколько десятилетий. Что касается США, то тут Ленин вообще пальцем в небо

попал. Каждый штат там населен многонациональным эмигрантским сбродом из Европы в более или менее равной пропорции. Своей «Украины» в США нет. Швейцария тут тоже не пришей кобыле хвост. Она сформировалась как государство не на принципе нации, но на принципе территории. Горцы, шпηρεжающие на германском, французском или итальянском, воинственно отстаивали свои горы от очень сильных и опасных соседей – Франции и Германии. Сплотила их в государство эта общая опасность. (Если уж сравнивать Швейцарию, так с Приднестровьем, где русские, молдаване и украинцы объединились в государство под давлением единой опасности – агрессии соседей – «румын». Ясно, что Ленину этот пример был недоступен.) Аргументация Ильича, как видим, в данном случае неглубокая и ошибочная.

Ленин – гениальный политик-практик, но в национальном вопросе он поработал халтурно, поверхностно, и теперь из-за неправильных теоретических посылок, на которых он основал Советское государство, мы проигрываем. Полемизируя с Савенко, Ленин позволяет себе демагогию. «Объявляя инородцами белорусов и украинцев, гг. националисты забывают добавить, что великоруссов [...] в России не более 43 проц. населения. Значит, «инородцы» в большинстве! Как же меньшинство может удерживать большинство, не представляя выгод этому большинству, выгод политической свободы, национального равноправия, местной и областной автономии? Травя украинцев и др. за «сепаратизм», за стремление к отделению, националисты тем самым отстаивают привилегию великорусских помещиков и великорусской буржуазии на «свое» Государство. Рабочий класс против всяких привилегий; поэтому он отстаивает право наций на самоопределение. Сознательные рабочие не проповедуют отделения; они знают выгоды больших государств и объединения крупных масс рабочих. Но большие государства могут быть демократичны только при самом полном равноправии наций, а такое равноправие означает и право на отделение. Борьба против национального гнета и против национальных привилегий неразрывно связана с отстаиванием этого права».

Через три с половиной года, придя к власти, Ленин (как позднее Ельцин) размахнулся было: «Берите отделения и самоотделения, сколько хотите!» И его взяли Финляндия, Польша, земли Прибалтики, Кавказ... и Украина. Тут-то свежая советская власть и Ленин во главе ее и испугались. Одно дело – сочинять стройные, благородные теории на бумаге, другое – видеть страну растерзанной на сотни республик и автономий, все они воюют против России и между собой. Слава богу, и в этом величайшая заслуга Ленина, он вовремя опомнился, отбросив свои выведенные в швейцарских пробирках теории, и стал гениально и трезво силой собирать Российскую империю под большевистским флагом. Уже 13 ноября 1918 года Совнарком аннулировал Брестский мир, «что позволило Советской России оказать братскую помощь украинскому народу». А 28 ноября 1918 года в Курске было создано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины... И Ленин собрал Россию. Поступив вопреки теоретическим выкладкам и собственной склонности к вульгарному марксизму. Владимир Ильич с 1918 года и до смерти в 1924 году был собирателем, спасителем. За эти годы он повторил в головокружительном темпе все подвиги русских великих князей и царей – от Ивана Калиты до Екатерины. В этом его гениальность. А по части умного прозрения, предвидения, понимания член Госдумы Савенко был умнее и глубже Ленина и как в воду глядел.

Собрав к 1922 году Россию если не в прежних границах, то в близких к прежним, Ленин, к нашему несчастью, не позаботился о том, чтобы сменить ущербные идеальные установки, и это проклятое право наций на самоопределение осталось нам в наследство вместе с автономиями и национальными республиками. Далее он заболел и умер, а мы остались с этой миной замедленного действия в самом фундаменте нашего государства. Во время Второй мировой войны украинские националисты сами лезли в объятия Германии (вспомним предсказание Савенко, сбывшееся второй раз: «связывают свои надежды с поражением России в будущей войне с Австро-Венгрией и Германией»); да Германия высокомерно их

не захотела. Во Второй мировой одиннадцать наций из бывших автономий с удовольствием убивали русских...

С 1991 года Российского государства не существует. Мина, заложенная еще в 1914 году, взорвалась... А ведь Савенко предупреждал...

И еще одно замечание. Ленин трагически ошибался и оказался слеп и еще вот в чем. Национальное, «свое», русское государство нужно более всего не «великорусским помещикам и великорусской буржуазии», но, напротив, нужно простым классам общества: крестьянам, рабочим, пенсионерам, военным, учителям. (У «предпринимателя» родина там, где его деньги, предпочтительно в Швейцарии, деньги же защищают великорусскую буржуазию лучше всякого государства.) От отсутствия национального русского государства они и страдают в 1994 году, безжалостно эксплуатируемые на своей национальной земле мерзавцами из национальных и социальных меньшинств.

«Лимонка» в Руцкого

В редакции газеты «Завтра» на видном месте на одной из книжных полок гордо красуется фотография: редактор в окружении лидеров ГКЧП. Под фотографией нет надписи, а должна бы быть неприличная, следующая: «Они просрали Россию».

В пару к фотографии гëкачепистов следовало бы присоединить еще одно групповое фото: Руцкой, Хасбулатов, депутаты ВС, эфэнэсовцы, и подпись под нею должна бы быть той же: «Они просрали Россию».

Подпись не может быть благороднее или нежнее, не может быть менее непристойной. Именно так, «просрали», ибо есть нечто хамское, глупое и неразумное, но и желудочно-кишечное, простое, как мычание, в поведении «оппозиции».

Оговорюсь сразу, среди ГКЧП, как и среди «октябристов» 93-го года, большинство, очень может быть, хорошие люди и великолепные отцы семейств. Кое-кто из них доказал и свою храбрость. Но я веду здесь речь не в категориях «храбрые» – «трусы», «честные» – «нечестные»; нет, я оцениваю здесь политическую интеллигентность ГКЧП и «октябристов», а она, увы, у каждого из них равна нулю. А уж политическая сила воли так и вовсе меньше нуля. Никакой!

В случае ГКЧП: вице-президент страны (Янаев), премьер-министр (Павлов), министр обороны (Язов), министр внутренних дел (Пуго), шеф КГБ (Крючков) позорно провалились всего лишь в попытке стабилизировать страну. Имея в руках все бразды правления, потерпели поражение от кучки позеров и демагогов, забросавших их словечками «демократия», «права человека», «суверенитет России», слюной и желчью.

При Цезаре Иосифе Сталине не взявший высоту какой-нибудь командир роты подлежал расстрелу. Жестокая, конечно, мера, но вполне понятная в условиях дикой войны на уничтожение. А тут ГКЧП, все эти благородные стариканы отдали (бараньи головы, идиоты деревенские!) вселенское могучее государство! Народ наш, к чести его, сначала отреагировал на поражение гëкачепистов здорово: он высмеивал их и стал презирать. Но тут оппозиция (и в первую очередь ее газеты «День» и «Советская Россия») с плачем водрузила гëкачепистов на щиты и стала таскаться с ними, воздавая им почести. Им, пораженцам, неумехам, разбитым вдребезги без боя! Мало того, они даже не присутствовали на поле боя, поручив битву черт знает кому, малопонятным и по сей день генералам... вроде Лебеда... В то время как по законам военного времени (а у нас война, и какая!) уклонившихся от боя, дезертиров в сущности, их следовало бы расстрелять. Однако велика сила печатного слова, велика репутация оппозиционных газет: под их давлением оппозиционные массы стали аплодировать дезертирам и создали им ореол симпатичных жертв.

Верховный Совет России, Хасбулатов и Руцкой повторили судьбу гëкачепистов. С небольшими отклонениями. Вечная слава честно погибшим, преданным рядовым, почет и уважение Баркашову и Анпилову, оказавшимся в чужом бою, эти покрыли себя славой. Но что сказать о Руцком или Хасбулатове, если 20 тысяч единиц стрелкового оружия плюс 1500 гранатометов, оказалось, лежали, скрытые в подземельях Белого дома, а парламентарии России не сообщили о нем защитникам и не позволили им воспользоваться. Испугались народного восстания 3 октября, отправляя одновременно их, безоружных, завоевывать «Останкино». (О двадцати тысячах единиц оружия сообщил мне лично Баркашов.) Что это, как это назвать? Что полагается за такое сокрытие в разгар противостояния?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.